

Кэ Чи покачал головой, спросил ещё несколько слов о здоровье директора и развернулся, чтобы уйти.

У него не было другого места, кроме маленькой комнаты отдыха в баре «Цзуйсэ», которая служила ему временным убежищем.

Бар «Цзуйсэ» открывался только в семь вечера, и в нём выступала местная группа, чтобы разогреть публику. К восьми-девяти вечера начинали приходиться люди, а пик атмосферы и заработка приходился на позднюю ночь.

Тань Ю обычно приходила в бар до того, как Кэ Чи выходил на сцену. Раньше она следила за ним, чтобы он не создавал проблем из-за конфликтов с Альфа-клиентами, но со временем это стало привычкой, и ей нравилось смотреть, как он поёт и танцует. Через несколько лет бар был перестроен, и у Кэ Чи появилась своя комната отдыха, где он мог жить. Тань Ю доверила ему запасной ключ и поручила следить за баром.

Когда он вернулся из приюта, было уже за полдень. Кэ Чи накануне вечером пил с Альфами в VIP-комнате, и его так напоили, что до сих пор было немного тошно. Ему не хотелось есть, поэтому он решил сразу вернуться в бар.

Бар, конечно, не был легальным заведением, и чтобы не привлекать лишнего внимания, он находился в маленьком переулке рядом с деловым кварталом.

Только войдя в переулок, Кэ Чи почувствовал запах феромонов Альфы, доносящийся изнутри. Он замедлил шаг, мысленно напрягся и, затаив дыхание, тихо пошёл дальше.

Кэ Чи увидел человека, сидящего на каменных ступенях у входа в бар, и, облегчённо вздохнув, чуть не испугался:

— Тань-цзе?!

— Малыш Чи вернулся, — у Тань Ю были растрёпанные волосы, и она держала в зубах незажжённую сигарету. На её щеке был след от раны, из которой сочилась кровь, а её феромоны Альфы смешивались с чужими запахами.

— Тань-цзе, ты... — Кэ Чи внимательно посмотрел на неё и неуверенно спросил. — Ты сегодня забыла ключ?

— Зайдём внутрь, — Тань Ю кивнула, встала и пропустила его.

Кэ Чи не стал расспрашивать, открыл дверь и зашёл в свою комнату отдыха, чтобы взять аптечку. Когда он вышел, Тань Ю уже умылась и села на высокий стул у стойки бара, ожидая его.

— Сначала обработаю йодом, будет немного больно, — Кэ Чи смочил ватку йодом и начал аккуратно удалять кровь вокруг раны на её щеке.

— Я не такая хрупкая, — Тань Ю усмехнулась, но убрала свои феромоны, чтобы не доставлять Кэ Чи дискомфорта, и спокойно сказала. — Просто обработай рану. На самом деле, даже не обязательно мазать, шрамы — это знаки отличия Альфы.

Кэ Чи ничего не ответил, обработал рану и нанёс лекарство, затем начал убирать аптечку:

— Готово.

Тань Ю встала, скрестила руки на груди и прислонилась к стойке бара, наблюдая, как он убирает. Она словно задумалась на мгновение, затем вздохнула:

— Если бы я любила Омег, я бы давно уже взяла тебя в жёны, и тебе не пришлось бы столько лет задерживаться здесь, чтобы расплачиваться с долгами.

Кэ Чи усмехнулся, не воспринимая её слова всерьёз.

Как бы хорошо Тань Ю ни относилась к нему сейчас, она всё равно была его начальницей, человеком, который платил ему и решал, сможет ли он выжить. Тем более, он всё ещё был должен ей немалую сумму.

Купец ценит выгоду, иначе много лет назад она не купила бы его у того, кто привёл его в бар, чтобы он выступал на сцене и приносил прибыль. Он не был настолько глуп, чтобы верить в пустые разговоры Альфы.

— Сегодня вечером главный — Го, следи за ним, — как и ожидалось, следующая фраза Тань Ю была о работе. — Мои сотрудники работают здесь не меньше тебя, но ты всё равно самый понятливый. Хорошо, что я вложила в тебя столько денег.

— Понял, — Кэ Чи равнодушно скривил губы, отвернулся и убрал аптечку в шкафчик на стене.

Какой ещё «понятливый»?

Понятливый в том, как соблазнять Альф и заставлять их добровольно выкладывать деньги?

Кэ Чи хотелось посмеяться, но у него не было сил даже улыбнуться.

Тань Ю знала, что он не любил болтать, поэтому не стала навязываться, закурила сигарету и ушла в свою комнату. Вечером, заказывая еду на вынос, она не забыла заказать и для Кэ Чи.

— Малыш Чи! Малыш Чи! — кто-то постучал в дверь. Кэ Чи узнал голос и, отложив чулки, которые ещё не успел надеть, встал в тапочках и пошёл открывать.

— Ого, какие у тебя длинные ноги, — Вэй Го сразу закрыл за собой дверь и с восхищением посмотрел на его стройные ноги. — Такие тонкие и белые, преимущества Омеги просто поразительны!

— Ты скоро выходишь на сцену, зачем сейчас ко мне пришёл? — Кэ Чи улыбнулся, не стесняясь, и продолжил переодеваться в вечерний наряд.

— Принёс тебе вишни, — Вэй Го поставил на полку пластиковую корзинку размером с книгу и, увидев, что Кэ Чи не против, весело уселся рядом. — Мой парень сегодня водил меня собирать их.

— Ты завёл парня? — Кэ Чи удивился, повернулся и увидел на его лице смущённую улыбку.

— В прошлом месяце, в тот день, когда ты выступал, я познакомился с ним на танцполе, — Вэй Го задумался. — Сначала думал, что это будет просто интрижка, я ведь Бета, у меня нет железы, и я не могу забеременеть, так что почему бы не повеселиться и не заработать немного денег? Но после нескольких встреч понял, что нам неплохо вместе, и решил попробовать. В конце концов, если в будущем удастся построить стабильные отношения, это будет лучше, чем

сейчас.

— Поздравляю, — Кэ Чи искренне сказал.

— Ещё ничего не решено, — Вэй Го подмигнул ему. — Но если всё сложится, я больше не буду работать здесь, это неприлично.

— Это правильное решение.

— Тогда я пошёл, — Вэй Го встал, достал телефон и сфотографировал Кэ Чи, который уже переоделся. — Ты выглядишь великолепно. Если бы те Альфы снаружи увидели тебя, они бы точно набросились с деньгами.

Кэ Чи улыбнулся и покачал головой, проводил его взглядом, прислонился к стене, докурил сигарету, опрыскался дешёвыми духами, чтобы заглушить запах, и, когда за окном стемнело, снял куртку и, щёлкая каблуками туфель, вышел.

Чэн Цзыянь получил сообщение от Юй Ю с предложением снова сходить в бар «Цзуйсэ», когда он перерывал ящики в поисках своих детских вещей.

Они переезжали один раз, и тогда Чэн Цзыянь с матерью только что закончили с похоронами отца, умершего неожиданно. В семье Чэн внуков было мало, и Чэн Цзыянь был единственным Альфой-прямым наследником, так же как и в семье Чжао. Естественно, он стал любимцем обеих обеспеченных семей. Чтобы мать и сын не страдали от тоски, увидев старые вещи, вскоре, получив согласие Чжао Юйшу, они перевезли их в нынешнюю виллу.

Во время переезда они выбросили много вещей, но сохранили и много ценных воспоминаний. В ящике с воспоминаниями Чэн Цзыяня был уголок, посвящённый его юности.

Фотография, пролежавшая на дне ящика более десяти лет, уже пожелтела и потеряла цвет, но момент, когда она была сделана, чётко всплыл в памяти Чэн Цзыяня.

Все одноклассники, участвовавшие в социальной практике, стояли в центре, а вокруг них были дети из приюта. Только Чэн Цзыянь стоял в углу сзади, крепко держа за руку маленького ребёнка-Омегу. Мальчик, казалось, страдал от недоедания, был намного худее и ниже своих сверстников, едва доходя до груди двенадцатилетнего Чэн Цзыяня.

Но он не робел. Возможно, потому что рядом был тот, кто давал ему чувство безопасности, его большие живые глаза сияли, а лёгкая улыбка на лице вызывала умиление.

Письма и подарки, которые присылали детям, сначала проверялись учителями приюта, прежде чем попасть к ним. Но Чэн Цзыянь не любил, когда чужие руки трогали его вещи, поэтому перед каждым визитом в приют он писал письмо мальчику и клал в карман немного еды, которую можно было взять с собой, а затем, избегая взглядов учителей, незаметно передавал их мальчику. В ответ мальчик, мигая прекрасными глазами, полными ожидания и радости, дарил Чэн Цзыяню свои рисунки.

На каждом ярком рисунке на обратной стороне аккуратно было написано имя «Кэ Чи».

Чэн Цзыянь впервые увидел Кэ Чи в приюте, в самом тёмном углу под навесом.